

История России. Люди, нравы, события: взгляды и оценки Опричнина

в оценках и суждениях историков и выдающихся деятелей искусства

Борис БИМ-БАД,
ректор Российского
открытого
университета

Всего труднее и все-
го важнее в школе —
учить свободе. Учить
не злоупотреблять
ею.

Свобода есть наука
и искусство. овладе-
вать коими отдельной
личности приходится
всю жизнь, а странам
и народам — столе-
тия.

Она требует постоян-
ного преодоления.

В области нрав-
ственной необходимо
прежде всего преодо-
ление страха свобо-
ды — в ответственности,
преодоление радости
самообмана — в
правдолюбии, неува-
жения к себе — в со-
вести, гордыни стра-
дания — в бодрости,
эгоизма и капризов —
в мужестве, озлоблен-
ной слабости — в ве-
ликодушии, преодоле-
ние зависти — в любви,
паразитизма — в
идеях долга, равноду-
шия — в уважении к
трудностям других
людей.

В мироотношении
также не обойтись без
преодоления:
— разделения мира
на «своих» и «чу-
жих» — в благоволе-
нии перед жизнью и
ее разнообразием;
— апатии и агрес-
сивности — в идее
личного бессмертия
как естественного (де-
ла, дела), так и
сверхъестественного;
— комплекса «ра-
ба» и «господина» — в
сотрудничестве;
— покорности — в
понимании справедливости
как высшей цен-
ности — беззакония
— в идее обще-
ственного договора
как шестива Упорядо-
чивающего Замысла в
мире;

— отношения к
крови как основе общ-
ности людей — в по-
нимании нации как
культурного единства,
культурного сотворче-
ства, создания куль-
туры.

В число интеллекту-
альных сторон обра-
зования к свободе мы
включаем: наслажде-
ние мыслью как пре-
одоление страха перед
умственным напряже-
нием; культуру мысли
как преодоление логи-
ческих ошибок и са-
монадеянности в обла-
сти творчества; смире-
ние ума как отказ от
претензий на облада-
ние единственной исти-
ной; дальновидности
как преодоление рас-
слабленности мыс-
ли; преемственности
творчества как пре-
одоление нигилизма и
исторического неве-
жества.

Итак, учить свобо-
де — значит учить
преодолению. Это под-
силу любому учебно-
му предмету — мате-
матике, языку, есте-
ствознанию... Но на-
ряду со свободой как
«побочным продук-
том» хорошего есте-
ственно-математиче-
ского образования
важно и непосред-
ственно, прямо обу-
чать ей. То есть логи-
ке, искусству, этно-
графии, этике, психо-
логии, социологии,
политике, праву. Гу-
манитарной культуре.

Не время ли вер-
нуть школе «свобод-
ные искусства»? Как
вы думаете?

В. Б. Кобрин.

Иван Грозный. М., 1989.

Для крупных русских феодалов не
были характерны обширные лати-
фундии, расположенные «в одной
меже», такие, чтобы можно было
ехать целый день, и в ответ на во-
прос, чьи это земли, слышать, как в
известной сказке Перро, одно и то
же: маркиза де Карабаса. Обычно у
боярина были вотчины одновременно
в нескольких уездах — четырех,
пяти, а то и шести. Границы же
уездов, как правило, совпадали со
старыми рубежами княжеств. По-
этому возврат к временам удельного
сепаратизма реально угрожал зем-
левладельческим интересам знати
<...> Противопоставление вотчин и
поместий не выдерживает критики.
Но ведь именно это противопоста-
вление — главная опора представле-
ний о борьбе боярства против цен-
тральной власти и о поддержке этой
власти дворянами.

Если же внимательней пригляде-
ться к политике опричнины, то мы
увидим, что считать ее направленной
против бояр нет оснований. С. Б.
Веселовский специально изучил со-
став казенных в годы опричнины
<...>

Наконец, состав самого Опрично-
го двора. Существует распростра-
ненный стереотип: царь Иван при-
ближал к себе новых, безродных лю-
дей. Сам Иван Грозный способство-
вал созданию этой легенды.

Однако исследование привело к
неожиданным выводам: среди новых
слуг царя Ивана было множество от-
прысков аристократических родов.

Таким образом, Опричный двор
принципиально не отличался ни от
доопричного, ни от современного
ему земского. Существенно другое:
они — личные слуги царя, готовые
на все для исполнения любого его са-
мого грязного поручения. Этому по-
могала гарантия безнаказанности.

Итак, опричнина не была антибо-
ярским мероприятием.

Так что же, опричнина всего лишь
прихоть полубезумного деспота, не-
счастливый случай?

Существовала ли в реальной жиз-
ни альтернатива тому пути, по кото-
рому пошел царь Иван, вводя оприч-
нину? Да, существовала. Это показа-
ла деятельность Избранной рады,
при правлении которой были начаты
глубокие структурные реформы, на-
правленные на достижение центра-
лизации. Этот путь не только был не
таким мучительным и кровавым, как

опричный, он и обещал результаты
более прочные, и исключал стано-
вление снабженной государственным
аппаратом деспотической монархии.
Но этот путь не обещал результатов
немедленных: структурные рефор-
мы дают плоды не сразу, а потому
нередко обманывают нетерпеливые
ожидания. Возникает соблазн утопи-
ческого, волюнтаристического, ко-
мандно-репрессивного пути разви-
тия...

Путь Избранной рады был осно-
ван на реальных тенденциях разви-
тия страны, быть может, не столь
познанных, сколь, по крайней мере,
уловленных чутьем умных и реаль-
ных политиков. Путь же опричнины
основывался на произвольном хоте-
нии.

Результаты опричнины были тра-
гичны для страны.

...Опустошение страны сыграло
значительную, если не решающую
роль в утверждении крепостного
права в России.

В нашей стране крепостное право
приняло в конце концов отврати-
тельные рабовладельческие формы.
Стоит ли и в этом винить опричнину,
у которой и без того много на счету?
Стоит. Речь здесь идет об одном из
отдаленных последствий опричнины.

Дело в том положении, в котором
оказался в результате опричнины
русский господствующий класс.
Грозненский террор и установив-
шийся деспотический режим завер-
шили превращение русских дворян в
холопов самодержавия. На первый
взгляд, не наша печаль. Что нам до
бедствий эксплуататоров? Однако в
истории слишком много взаимосвя-
зано, чтобы можно было пренебречь
интересами какой-то социальной
группы без ущерба для всего обще-
ства. Ведь государев холоп не может
не быть деспотом по отношению к
своим крестьянам, всегда будет стре-
миться превратить их в своих холо-
пов. Раб не терпит ниже себя свобод-
ных или хотя бы полусвободных лю-
дей. Приниженное, закрепощенное
положение русского дворянства при-
вело к еще большему закрепощению
и приниженности крестьянства.

Итак, тот путь централизации через
опричнину, по которому повел стра-
ну Иван Грозный, был гибельным,
разрушительным для страны... Было
бы ошибкой считать прогрессивной
террористическую диктатуру оприч-
нины. Не только потому, что проте-
ствует наше естественное нравствен-
ное чувство (хотя, подчеркиваю, и
это крайне важно), но и потому, что
последствия опричнины отрицатель-
но сказались на ходе отечественной

истории. Должно быть, это не слу-
чайно. Аморальные деяния не могут
привести к прогрессивным результа-
там. История опричнины еще раз
наглядно демонстрирует справедли-
вость этой утешительной истины.

А. К. Толстой.

Роман «Князь Серебряный».
Эпизод: «Да поможет Бог и
нам изгладить из сердец наших по-
следние следы того страшного вре-
мени, влияние которого, как наслед-
ственная болезнь, еще долго потом
переходило в жизнь нашу от поколе-
ния к поколению! <...>».

Простим же грешной тени Ивана
Васильевича, но помянем добром
тех, которые, завися от него, усто-
яли в добре, ибо тяжело не упасть в
такое время, когда все понятия из-
вращаются, когда низость называ-
ется добродетелью, предательство
входит в закон, а самая честь и чело-
веческое достоинство почитаются
преступным нарушением долга! Мир
праху вашему, люди честные!.. Вы
шли прямою дорогой, не боясь ни
опалы, ни смерти; и жизнь ваша не
прошла даром, ибо ничто на свете не
пропадает, и каждое дело, и каждое
слово, и каждая мысль вырастает
как древо; и многое доброе и злое,
что как загадочное явление суще-
ствует поныне в русской жизни, таит
свои корни в глубоких и темных не-
драх минувшего».

Предисловие: «Представ-
ляемый здесь рассказ имеет целью
не столько описание каких-либо со-
бытий, сколько изображение общего
характера целой эпохи...»

Оставаясь верным истории в об-
щих ее чертах, автор позволил себе
некоторые отступления в подробнос-
тях, не имеющих исторической важ-
ности <...>.

В отношении к ужасам того време-
ни автор оставался постоянно ниже
истории. Из уважения к искусству и
к нравственному чувству читателя он
набрисал на них тень и показал их,
по возможности, в отдалении. Тем
не менее он сознается, что при чте-
нии источников книга не раз выпада-
ла у него из рук и он бросал перо в
негодовании, не столько от мысли,
что мог существовать Иоанн IV,
сколько от той, что могло существо-
вать такое общество, которое смо-
трело на него без негодования».

**Проект постановки на сцену
трагедии «Смерть Иоанна
Грозного», 1866.**

«Общая идея трагедии очень про-
ста. Иоанн, властолюбивый от при-
роды, исполненный лезвием окружа-
ющих его царедворцев и привычкою
к неограниченной власти... видит
врагов во всех, кто стоит выше обы-
кновенного уровня, все равно чем:
рождением ли, заслугами ли, общим
ли уважением народа. Ревнивая по-
дозрительность и необузданная
страстность Иоанна побуждают его
ломать и истреблять все, что кажет-
ся ему препятствием, все, что мо-
жет, по его мнению, нанести ущерб
его власти, сохранение и усиление
которой есть цель его жизни.

Таким образом, служа одной ис-
ключительной идее, губя все, что
имеет тень оппозиции или тень-пре-
восходства, что, по его мнению, од-
но и то же, он под конец своей жи-
зни остается один, без помощников,
посреди расстроенного государства,
разбитый и униженный врагом сво-
им, Баторием, и умирает, не унося с
собою даже утешения, что наслед-
ник его, слабоумный Федор, сумеет
достойно бороться с завещанными
ему опасностями, с бедствиями, вы-
званными и накликаемыми на землю
самим Иоанном чрез те самые меры,
которыми он мечтал возвысить и ут-
вердить свой престол <...>».

В этой трагедии все виноваты и
все наказаны, не какою-нибудь вла-
стью, поражающею их извне, но си-
лою вещей, результатом истека-
ющим с логической необходимостью
из образа действий каждого, подо-
бно тому как из зерна образуется
растение, и приносит свой собствен-
ный плод, себе одному свойствен-
ный» <...>.

Ф. И. Шалапин.

Маска и душа. М., 1989.

«...Я играл в «Псковитянке» роль
Ивана Грозного. С великим волнени-
ем готовился я к ней...»

Я не спал ночей. Смотрел в гале-
реях и частных коллекциях портре-
ты царя Ивана, смотрел картины на
темы, связанные с его жизнью. Я
выучил роль назубок и начал репе-
тировать. Репетирую старательно,
усердно — увя, ничего не выходит.
Скучно.

Сначала я нервничал, злился, гру-
бо отвечал режиссеру и товарищам
на вопросы, относившиеся к роли, а
кончил тем, что разорвал клавиш в
куски, ушел в уборную и буквально
зарыдал.

— А ну-ка, — сказал Мамонтов, —
начните-ка еще раз сначала. Я вы-
шел на сцену. Мамонтов сел в пар-
тер и слушает. Иван Грозный, разо-
рив и предав огню вольный Ново-
город, пришел в Псков сокрушить и
в нем дух вольности.

Моя первая сцена представляет по-
явление Грозного на пороге дома
псковского наместника, боярина
Токмакова.

— Войти аль нет? — первая моя
фраза.

Для роли Грозного этот вопрос
имеет такое же значение, как для
роли Гамлета вопрос: «Быть или не
быть?». В ней надо сразу показать
характер царя, дать почувствовать
его жуткое нутро. Надо сделать яс-
ным зрителю, не читавшему исто-
рии, а тем более — читавшему ее,
почему трепещет боярин Токмаков
от одного вида Ивана.

Подходит Мамонтов и совсем про-
сто, как бы даже мимоходом, заме-
чает:

— Хитряга и ханжа у вас в Иване
есть, а вот Грозного нет. Как мол-
нией, осветил мне Мамонтов одним
этим замечанием положение. Инто-
нация фальшивая! — сразу почув-
ствовал я. Первая фраза — «войти
аль нет?» — звучит у меня ехидно,
ханжески, саркастически, зло. Это
рисует царя слабым, нехарактерны-
ми штрихами. Это только морщин-
ки, только оттенки его лица, но не
самое его лицо. Я понял, что в пер-
вой фразе царя Ивана должна вы-
литься вся его натура в ее главной
сути.

Я повторил сцену:

— Войти аль нет?

Могучим, грозным, жестоко-изде-
вательским голосом, как удар желе-
зным посохом, бросил я мой вопрос,
свирепо озирая комнату.

И сразу все кругом задрожало и
ожило. Весь акт прошел ярко и про-
извел огромное впечатление. Инто-
нация одной фразы, правильно взя-
тая, превратила ехидную змею (пер-
воначальный оттенок моей интона-
ции) в свирепого тигра...»

**Московский
художественный театр**

«Художественно-общедоступный
театр», возглавляемый К. С. Станис-
лавским и В. И. Немировичем-Дан-
ченко, открылся в Москве 14 октя-
бря 1898 г. постановкой «Царя Федо-
ра Иоанновича», второй пьесы в дра-
матической трилогии А. К. Толсто-
го, освобожденной, наконец, от 30-
летнего цензурного запрета. Этот
спектакль уже в первые годы был
сыгран рекордное количество раз —
57, став одним из источников того
великого нового, что внес МХАТ в
мировое театральное искусство.

Знаменитый немецкий критик
Альфред Керр оценил спектакль
так: «Я знаю, что это — драма опре-
деленного автора... Все же мне ка-
жется, что я видел кусок истории».
Даже В. О. Ключевский был потря-
сен «Царем Федором», а о «сцене на
Яузе» удивленно заключил: «До сих
пор я знал только по летописям, как
оканчивался русский бунт, теперь я
знаю, как он начинается».

Газетную публикацию
подготовил В. БЕЙЛИНСОН.

Знатоки
оперного
искусства
наверняка
обнаружили
ошибку на 10-й
странице в
прошлом номере
газеты. Сегодня
мы печатаем
фотографию Ф.
Шалапина в роли
Ивана Грозного —
это правильный
ответ
на первоапрельскую
шутку.